

Перемены в Сунь И Цзя (3)

Герцогиня Дин слегка нахмурилась, но посмотрела на Цзин Вань так, как будто у нее глаза открылись. Она вдруг ощутила смелость и отвагу, скрывающуюся за этим спокойствием.

— Если вы представляете герцогскую резиденцию Дин, то мне, как можно скорее, нужно найти время, чтобы посетить ее и спросить лаофужэнь вашей семьи, отличаются ли правила вашей семьи от предписаний других семей, раз вы так дерзки и грубы, — когда она заговорила, то даже спокойно и сдержанно посмотрела на герцогиню Дин.

Из всей герцогской резиденции Дин разве не у Сунь лаофужэнь самый высокий статус? Так что прямое игнорирование герцогини Дин тоже вполне нормально, не так ли?

Можно забыть о герцогине Дин, все, кто только что вошел, выглядели несколько неприглядно. Пощечину дали не одному человеку.

Самым неприглядным было лицо этой четвертой невестки Сунь И Цзя. Украдкой бросив взгляд на лицо герцогини Дин, она подумала, что ей придется опереться на руку свекрови, чтобы как следует разобраться с этой несчастной, которая не знает, как высоко небо и огромна земля. Но если этот вопрос решится, ей все равно придется пострадать.

— Естественно, это мое собственное мнение, что из этого?

— Ах, значит, оно ваше? — несколько небрежно сказала Цзин Вань, понизив голос. Левой рукой она провела по манжете правого рукава, опустив глаза и глядя на свою ладонь.

Желание дать кое-кому пощечину было совершенно очевидно. Эта женщина подсознательно сделала шаг назад... И тут раздавшийся в комнате резкий звук удара напугал присутствующих.

Эта женщина закрыла лицо руками и недоверчиво повернула голову к Сунь И Цзя. Вот именно. Той, которая нанесла удар, была не Цзин Вань, а Сунь И Цзя. Пострадавшая инстинктивно подняла руку, желая ударить в ответ, но Сунь И Цзя с холодным и равнодушным видом даже слегка приподняла голову, подставляя раненое лицо, чтобы ей было легче ударить. Если бы она, и правда, дала ей пощечину, неважно, кто прав, она все равно стала бы самой неразумной. Женщина только крепко сжала пять пальцев и обиженно отдернула руку.

— Что, слишком боитесь нанести ответный удар? — губы Сунь И Цзя почти не двигались, она старалась, по возможности, не рвать рану на лице. Закончив говорить, она отвесила ей еще одну пощечину.

На этот раз все оказались настолько потрясены, что разинули рты. Хотя в обычные дни личность Сунь И Цзя была довольно холодной, она все еще, несомненно, являлась образцом для многочисленных благородных молодых барышень в столице. Никто не смел даже

представить себе, что настанет день, когда она кого-нибудь ударит. Вот почему эта сцена так сильно шокировала.

— И Цзя! — герцогиня Дин посмотрела на Сунь И Цзя, нахмутив брови еще сильнее. Было очевидно, что поведение Сунь И Цзя шокировало ее, но на самом деле оно больше разозлило. Как могла дочь, которую она вырастила, вести себя так грубо?

К сожалению, ее дочь, которая в прошлом всегда слушалась ее, которая, при указании на ее недостатки немедленно признавала свои ошибки и, более того, исправлялась, добиваясь лучших и самых совершенных результатов, в данный момент даже не взглянула на нее.

Сунь И Цзя была в ярости. Когда она уставилась на свою четвертую невестку, в ее глазах застыла злоба, а с губ сорвалось практически гадючье шипение:

— Четвертая сао, вероятно, не знает, но Вань меймей изначально намеревалась приехать в храм Белого дракона сегодня. Это я сместила время на вчерашний полдень. Итак, согласно вашим рассуждениям, разве не я являюсь виновником? Из четырех человек, находившихся в карете, мои раны оказались самыми легкими. Каждая из вас, наверное, проклинает меня за то, что я не разбилась насмерть, верно? Я подвела вас всех, да? Вы проклинаете того, кто предоставил мне счастливую и крепкую жизнь? Ха! Даже если вы все умрете, моя очередь все равно не настанет! — она сильно походила на злой дух, который пришел сюда, чтобы потребовать чью-то жизнь, из-за того, что намеренно понизила голос.

Когда кто-то, кто обычно не сердится, внезапно начинает злиться, то это, действительно, приводит людей в ужас.

— И Цзя! Посмотри на себя и на то, что ты сейчас собой представляешь! Быстро замолчи.

Сунь И Цзя резко повернула голову и посмотрела на герцогиню Дин:

— И какая же я? Если я не такая же, как в вашем сердце, тогда, естественно, я никуда не похужу. Мама, не думайте, что я не знаю, о чем вы с отцом думаете и что вы оба хотите сделать. Сейчас я уже такая... — говоря это, она закрыла свое израненное лицо, слезы навернулись ей на глаза. — Все равно уже все пропало, если кто-то осмелится растоптать меня, не стоит потом винить меня за то, что я разобью уже разбитую банку [1] и сделаю что-нибудь такое, из-за чего герцогская резиденция Дин лишится всей репутации. Да вы до конца ваших жизней будете сожалеть об этом!

— И Цзя... — возможно, потому, что ее внутренние мысли были прочитаны Сунь И Цзя, когда она снова увидела ее мертвый взгляд, сердце герцогини Дин тоже начало болеть. Несмотря ни на что, это была ее единственная дочь. Хотя она не жалела усилий, чтобы взрастить ее, все же это делалось с определенной целью и мыслями: — Не говори глупостей, кто посмеет растоптать тебя? Не делай глупостей, поняла?

Сун И Цзя холодно дернула уголками рта, ясно показывая, что она не верит в эти слова.

Герцогиня Дин внезапно почувствовала себя совершенно беспомощной из-за своей дочери. Она не могла не смягчить свой тон:

— Сначала вернись домой с мамой, хорошо? Давай поговорим об этом, когда вернемся.

— Вернуться? Вернуться, чтобы оказаться запертой, как в тюрьме? Чтобы не позволить столь невыносимо уродливой мне выйти на улицу? Ведь в таком случае на меня не смогут указать пальцем другие, и вы все не потеряете лицо? Или еще лучше: вы просто безжалостно выдадите меня замуж далеко-далеко, чтобы я больше никогда не имела возможности переступить порог столицы?

— Почему ты так думаешь?

— Разве это не так? Мама, вы посмеете поклясться, что у вас с отцом нет таких намерений? Клянитесь жизнью ваших сыновей и внуков, что, если вы солжете, останетесь без наследников!

Герцогиня Дин больше не могла сохранять самообладание. Ее глаза пылали яростью:

— Сунь И Цзя, ты даже осмеливаешься произносить вслух такие злые слова? Твои старшие братья напрасно любили тебя. И все твои племянники так любят тебя, а ты их проклинаешь?

— Я злая? Я просто позволяю вам использовать их, чтобы дать обет, вот и все. Если у вас с отцом нет таких намерений, то, естественно, ваша совесть будет чиста.

Герцогиня Дин внезапно потеряла дар речи, не в силах произнести ни слова.

— Нечего сказать? — слезы Сунь И Цзя жемчужинами разорванного ожерелья сорвались вниз, когда она начала говорить о бесконечных обидах и печалях: — Это вы первыми бросили меня, вы отказались от меня! В прошлом вы относились ко мне как к сокровищу, всегда отдавая мне самое лучшее, но это потому, что у меня была ценность. Вы растили не дочь, а драгоценный продукт! Вы просто ждали того дня, когда отдадите меня повыгоднее! Но вы все-таки родили и вырастили меня, так что я должна отплатить вам. Вот почему я делала все, что вы мне говорили, и ни разу не пожаловалась. Но что теперь? Мое лицо испорчено и ничего не стоит. Но вы не только не пожалели меня и не утешили, вы даже посыпали солью мою рану. Говорят, что кошки и собаки, если их растить достаточно долго, будут испытывать чувства. Я же чувствую себя даже ничтожнее их, — чем больше она говорила, тем больше горя чувствовала и тем сильнее ломался ее голос.

Раньше Цзин Вань все еще могла равнодушно смотреть со стороны, но, увидев, что лицо Сунь И Цзя снова начало кровоточить, она ринулась вперед:

— Цзя цзэцзэ, не говори больше, быстро остановись...

Герцогиня Дин ошеломленно стояла на своем прежнем месте. Она, наверное, никогда не думала, что у ее дочери на самом деле есть такие мысли. Но то, что она сказала, не казалось неправильным. И именно из-за этого, это волнение эмоций не было таким глубоким, как обычно. Она подумала про себя: а разве ее жизнь не такая же? Разве с ней самой не поступили несправедливо? Разве ей не было обидно? Ясно зная, насколько горька такая судьба, она все же бессердечно хотела, чтобы ее собственная дочь пошла по этому трагическому пути?

Встревоженный голос Цзин Вань привел ее в чувство.

— И Цзя! И Цзя, это все мама виновата! Я не права! Мама не откажется от тебя. Я обещаю тебе, что такой день не настанет, поверь маме, хорошо? — герцогиня Дин безудержно расплакалась. Не то чтобы она никогда раньше не плакала, но все эти годы она лила слезы напоказ для герцога Дина. Тогда она плакала горько и мучительно, но в то же время ее сердце было холодным и твердым. Но теперь она, действительно, плакала — из-за дочери и из-за себя самой.

Сунь И Цзя оттолкнула ее руку и уткнулась головой в шею Цзин Вань:

— Мама, почему бы вам всем сейчас не уйти? Я хочу немного помолчать.

— Ладно-ладно, мама послушает тебя. Я послушаю тебя. Ничего не говори, будь осторожна... Это же больно. Нехорошо, если рана слишком сильно закровоточит, — сначала она хотела сказать: "Береги лицо", но побоялась, что снова заденет внутренние шрамы. Но, уходя вот так, она чувствовала себя неловко.

— Почему бы герцогине не выйти первой, а Цзя цзэцзэ оставить мне? Я ее утешу, — в этот момент Цзин Вань открыла рот, видя ее беспомощность, а также искреннюю заботу о Сунь И Цзя.

— Хорошо, тогда я побеспокою барышню Ло.

— Герцогиня слишком вежлива.

[1] Подробнее об идиоме в главе Исторические заметки: идиомы